

З.И. Файнбург, Г.П. Козлова  
Пермский политехнический институт<sup>1</sup>

## МОГЛО ЛИ НАШЕ ОБЩЕСТВО СТАТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ?..

Опыт прогностического исследования, опрокинутого в прошлое.

В статье, написанной летом 1990 г., рассматриваются актуальные и поныне вопросы выбора путей строительства социализма. Детально обосновываются объективные и субъективные причины выбора «государственного капитализма» как деформированной формы реализации социалистической идеи.

Ключевые слова: социализм, капитализм, формация, октябрьская революция, марксизм, предмарксизм, история России, формационный переход.

Z.I. Fainburg, G.P. Koslova  
Perm Polytechnic Institute

## WHETHER THERE COULD BE OUR SOCIETY SOCIALIST?

Experience of prognostic research, overturned in the past.

In article written in the summer of 1990 questions of a choice of ways of construction of socialism are considered actual and until now. In details the objective and subjective reasons of a choice of "the state capitalism" as the deformed form of realization of socialist idea locate.

**Keywords:** socialism, capitalism, formation, October revolution, Marxism, premarxism, history of Russia, formational transition.

---

<sup>1</sup> Статья написана в 1990 г. Сегодня Пермский политехнический институт называется

Вопрос, вынесенный нами в заголовок статьи, может кому-то показаться простым. На самом деле это - одна из ключевых загадок последнего столетия истории: истории Государства Российского и истории мира в целом. В этом вопросе скрыт не только (а, может быть, и не столько) ответ на то, что могло быть с нами в прошлом, но и ответ на то, что может ожидать изрядную часть человечества в будущем.

Сама постановка проблемы для нас как авторов появилась естественным путем. Дело не только в том, что всю свою творческую жизнь мы занимались исследованием теории социализма. Своего рода логическую цепочку образуют и наши публикации 1989 - 1990 г.г.: сначала мы попробовали ответить на вопрос: «Какой социализм мы строили?» (Политическое образование, 1989, № 18); затем мы попытались соотнести события современности с постулатами фундаментальной науки об обществе: «Формационная теория К. Маркса и современный социализм» (Экономические науки, 1990, № 6); наконец, сам собой возник и своего рода заключительный вопрос: а могли ли мы, отправляясь от Октября 1917 и ленинской новой экономической политики, прийти к социализму? Только ответив на этот вопрос, мы можем придать известную целостность своей концепции современного социализма, обоснованием и анализом которой мы занялись задолго до того, как новое понимание определения «современный» стало предметом ожесточенных дискуссий.

Речь идет об одной из ключевых проблем формационного перехода: может ли политическая революция создать преимущественные условия для перехода от одной формации к другой, и, в частности, - от капитализма к социализму? Каков был реальный путь истории СССР, теперь уже во многом известно. Однако, при всех разногласиях в оценках, хорошо известно, что путь этот был далек от оптимального варианта. И хотя возможный оптимальный вариант прошлого на сегодняшний день является безусловно гипотетичным, его рассмотрение очень важно не только для теории, но и для предстоящей еще миру социальной практики.

Формационный переход от феодализма к капитализму занял около трех-четырёх сотен лет. Прогноз А.А. Богданова - Малиновского (сделанный им в 1908 г.) относительно формационного перехода к социализму: две-три сотни лет. Поэтому пока надо рассматривать все вопросы формационного перехода к социализму как дело преимущественно будущего. Опыт прошлых 70 лет для этого будущего очень полезен, но возможных перспектив достижения этого будущего один этот опыт исчерпать никак не может. Поэтому анализ этих 70 лет с позиции не только реально состоявшейся истории, но и исторически возможных ее вариантов, может уяснить известные основания для попыток прогнозирования продолжающегося (только прошедшего пока первые шаги) формационного перехода.

Формационный переход - это всегда сочетание революционного и эволюционного путей развития. Это сочетание само по себе глубоко противоречиво. Глубоко противоречив и сам процесс формационного перехода. Каковы конкретно возможные и каковы теоретически оптимальные пути сочетания того и другого путей? В этом - проблема.

Проблема возможности создания социалистического общества в результате революции рабочего класса и, в частности, Октябрьской революции 1917 г. в России, возвращает нас к необходимости дать определение, что такое социализм с точки зрения современного обществоведения.

В свете формационной концепции развития общества К. Маркса и Ф. Энгельса социализм - фаза, ступень новой, коллективистской в своей основе **формации**, закономерно (то есть на основании поступательного развития производительных сил) сменяющая капитализм как наиболее развитую форму индивидуалистически ориентированного общества (см. примечание №1). Эта формационная трактовка социализма была свойственна, в конечном счете, равно и коммунистическому движению (ставившему во главе средств перехода к социализму политическую революцию), и социал-демократическому движению (полагающему в качестве исходного средства перехода к социализму политическое реформирование общества). Разногласия касались большей мере средств

реализации конечной цели, чем самого понимания ее характера (хотя есть разногласия и этого рода).

В современной литературе этой формационной трактовке социализма противостоит его трактовка, которую мы бы назвали *политизированной*: социализм трактуется как определенная политическая линия, отражающая конкретные социальные интересы (см. примечание № 2). Существует множество вариантов этого политизированного объяснения социализма, однако общее основание у них одно - трактовка современного общества по критерию, в котором преобладает обособленная оценка его технической базы: «индустриальная цивилизация» (З. Млынарж или тот же С. Станкевич), «эффективное (или - альтернативно - неэффективное) производство» (М. Джилас), «постиндустриализм» (З. Бжезинский) и т.п. При таком подходе различия коммунистической, социал-демократической, буржуазно (либерально) - консервативной политики становятся решающими в оценке состояния общества, а идея закономерного формационного перехода в этих различиях различных политик просто «растворяется», и тем самым теряется.

Жива и очень распространена до сих пор и *полуутопическая* трактовка социализма как некоторого идеального состояния, некоторой идеальной социальной справедливости и благоденствия, к которым люди могут стремиться, но которые в полной мере никогда не могут быть реализованы на практике (см. примечание № 3).

Мы полагаем, что в анализе истории под тем углом зрения, который обозначен нами в заголовке статьи, *плодотворным может быть только формационный подход*. Научная аргументация в его пользу - это самостоятельная проблема. Однако в данном конкретном случае исследование может быть действительно полным, системным, не ограниченным лишь мало что значащими без критично-следственного анализа понятиями «ошибка», «злоумышление», только при опоре на формационную концепцию. Нужно методологически единое основание и для характеристики хода истории, и для политической линии, и для индивидуальных и групповых ошибок и т.д. и т.п.

Найти единство подхода в объяснении и потенциальных возможностей, и причин того, почему эти возможности остались не реализованными, и характера объективных процессов и субъективных воздействий на эти объективные процессы, найти формационное обоснование самого характера субъективности, влиявшей на ход истории - вот задача, которую мы себе ставим.

\*

\*

\*

Начать нам надобно, очевидно, с анализа революций прошлого: каково было их формационное содержание и каковы были их конкретно-исторические ход и результаты?

Начнем с Великой Французской революции. Было ли возможно установление прямой власти буржуазии и буржуазных общественных отношений во Франции в результате революции 1789-1794 г.г.? Абстрактно рассуждая - да! Конкретно - нет, и еще раз нет!...

Буржуазия к тому времени еще не осознавала себя как класс, на котором держится *производство*. Она им почти не занималась. Торговля и спекуляции - вот видимое лицо тогдашней буржуазии. Политическое самосознание буржуазии было на столь же невысоком уровне, как и ее участие в производстве: она враждовала с дворянством, но ему завидовала и, сколько могла, подражала. Не очень ясно виделся буржуазии и круг ее врагов, и круг ее необходимых союзников. Свой интерес понимался буржуазией очень конкретно и одновременно очень узко: его общеисторическая перспектива была ей самой (в лице и ее теоретиков, и ее практиков) вовсе неясна. Соответственно, недостаточно оформленной, недостаточно гибкой и универсальной была и структура ее политической организации.

Может быть, именно в этой неразвитости и незрелости нового и заложена причина именно такой формы продвижения к новому как *политическая революция*? Ведь, если новое уже экономически вызрело (эволюционным путем) внутри старого и под его прикрытием, то и политическое развитие, как правило, не требует радикальных политических революций (кроме сравнительно редких случаев, когда общество нуждается в смене авторитарного политического ре-

жима на какой-либо из вариантов демократии).

Мы усматриваем определенную историческую аналогию общественно-политической ситуации 1789-1794 г.г. во Франции и положения в обществе после Октябрьской революции 1917 г. в России. В обоих случаях новое еще не вызрело в старом, но «роды» были ускорены политической революцией. Однако ситуация в 1917-1920 г.г. в России была связана с формационным переходом более высокого исторического порядка, а потому она оказалась намного более сложной.

Новое качество формационного перехода (одновременно делающее его и на порядок более сложным) состояло в России в том, что переход от капитализма к социализму в основе своей всегда в той или иной мере **планомерен**, ибо эпоха индивидуализма сменяется коллективизмом, тогда как переход от феодализма к капитализму в основе своей в чем-то **стихийен**, ибо обе формации существуют в рамках принципиально одной системы индивидуализма.

Переход от феодализма к капитализму, конечно, получает соответственное (но всегда превращенное) отражение в сознании, в субъективной деятельности главных действующих лиц, и этого *превращенного осознания* в принципе здесь исторически **достаточно**. А поскольку строгий научный *проект* перехода от старого к новому в границах однотипного (индивидуалистического) общества был бы избыточным, то он оказывается и не нужным.

В отличие от этого переход от капитализма к социализму является переходом между обществами разного типа (одно-индивидуалистическое, другое - коллективистское), а потому становление и развитие общественных отношений преимущественно в коллективистской форме требует **научного проекта**, научно обоснованной **планомерности**, научного обоснования и цели и средств ее достижения, чтобы достигнутый результат соответствовал запланированной цели.

Эту постановку проблемы можно (и, очевидно, следует) «перевернуть»: развитие сложной, высокопроизводительной (одновременно и экологически опасной) техники, усложнение хозяйственных связей, основанных на разделе-

нии труда, все возрастающая роль науки как производительной силы, науки как основы эффективного управления, научной и общекультурной подготовки работников, как все более важного элемента производственной деятельности, требуют в совокупности целенаправленной **координации** общественного процесса в целом, то есть **планомерности**, то есть общественного развития по научно-обоснованному **проекту**.

В середине XIX в. эта тенденция производительных сил и общества в целом была в самом общем виде обозначена К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В начале XX в. эта тенденция была признана одной из сущностных для капитализма того времени - монополистического капитализма (В.И. Ленин, Р. Гильфердинг, К. Каутский и др.). Однако в практическом, реальном функционировании общества к тому времени эта тенденция еще очень и очень мало себя проявила.

Поэтому и после революции 1917 г. эта тенденция сначала была понята в самом общем, избыточно абстрактном виде. А практический смысл она могла приобрести (то есть реализоваться как условие движения общества к преобладанию коллективистских начал его организации - к социализму) только в том случае, если бы были последовательно осуществлены все степени опосредствованного движения от **абстрактной идеи** к **прикладным технологиям**.

Вот здесь и «срабатывает» историческая аналогия (отражающая, как мы полагаем, определенную историческую закономерность) революции 1917 г. с революцией 1789-1794 г.г.: и в том и в другом случае *общество было не готово к непосредственной реализации тех конечных целей, которые были выдвинуты в качестве целей революции*. Предпосылки нового уже есть, есть и некоторые его элементы, но новое качество как формационная ступень еще должно и может сложиться только как результат длительного эволюционного развития, для которого политическая революция формирует некоторые потенциально оптимальные условия.

Стихийному движению французского общества от феодализма к капитализму как таковому понадобилось более 80 лет развития и преобразований - с

1789 г. до 1870 г. (взяты даты примерных политических границ формационного перехода).

Еще более стихийному движению российского общества от капитализма к социализму понадобилось около 70 лет (с 1917 г. до 1985 г.), чтобы планомерность из декларированной (когда она была фактически худшей формой стихийности) и ненаучной (то есть опять - таки фактически стихийности, ибо в основе ее лежала вульгарная идеология) стала становиться собственно планомерностью, и наметился *возможный выход* общества СССР из формационного тупика, а также обозначилась реальная (хотя и очень труднореализуемая) возможность выхода советского общества как целого на первый формационный уровень нового - уровень действительного социализма.

Революция 1917 г. под эгидой социалистических конечных целей была для своего времени *оправдана и закономерна*. У нее был огромный позитивный потенциал, который преимущественно по объективным причинам (но и по субъективным причинам тоже) был реализован в относительно малой степени и непомерно дорогой ценой. В целом эта революция во многом очень способствовала (и своими позитивными, и своими негативными следствиями) формационному прогрессу как своей собственной страны, так и человечества в целом.

Конечно, в ретроспективной оценке 1990 г. эта революции (даже в рамках последовательно научного современного марксизма) видится уже в несколько ином свете, чем ее видели большевики 1917 г. Но ведь и революция 1789-1794 г.г. видится современному исследователю в несколько ином свете, чем Якобинскому клубу, поднявшему в те далекие годы лозунг-мечту о «свободе, равенстве, братстве»...

Историю бессмысленно *судить*: ее надо анализировать, стараясь насколько это возможно (хотя бы по рецепту «социологии знания» К. Мангейма) защитить объективное научное исследование от неизбежных элементов идеологического воздействия на формулируемые выводы. Уйти вовсе от идеологического влияния - чистая утопия. Мы познаем общественный процесс, в который **сами** включены в качестве активных действующих лиц. Поэтому наивно было

бы пытаться целиком, без остатка абстрагироваться от самих себя: способность субъекта познания к самопознанию - один из коренных философских вопросов нашего времени (см. примечание № 4).

История уже состоялась. И нарастающее со временем требование целенаправленной саморегуляции общественного процесса в качестве безальтернативного условия предполагает не эмоции и реминисценции по поводу состоявшейся истории, а ее объективного научного исследования для вполне конкретных («технологических» по своей природе) практических выводов.

Итак, самая общая, основанная преимущественно на исторической параллели, оценка возможности успешного продвижения к социализму сразу после политической революции, ставящей соответственные «высокие» цели, пессимистична! Если бы абстрактные возможности такого успешного продвижения к социализму в России и были, то конкретная ситуация неизбежно предоставила бы такое нарастание помех этому продвижению, вплоть до практически полной потери способности продвижения в декларированном направлении.

Попытаемся теперь кратко проанализировать наличие в те годы самих по себе абстрактных возможностей продвижения к социализму. Иначе говоря, не было ли само по себе выдвигание социалистической программы заведомой утопией? Или речь должна идти о том, что при переходе от фактических, отнюдь не утопических формальных возможностей к их конкретной реализации неизбежно возникают такие факторы деформации реального продвижения к цели, которые в конце концов делают наиболее вероятными именно исторически тупиковые «деформированные» варианты?

\*

\*

\*

Начнем с анализа *экономических условий* продвижения общества к социализму.

Если под социализмом иметь в виду *полное устранение наемного труда и отчуждения средств производства от работника*, то такого социализма нет и быть не может, поскольку в полной мере такое устранение было невозможно тогда и невозможно до сих пор в принципе. Машинное производство не устра-

няет ни отчуждения (существование которого обусловлено разделением труда), ни наемного труда, хотя бы это был бы уже найм себя как индивида собой же как частицей коллективного собственника [5]. Разделение владения, распоряжения и использования собственности в рамках современного машинного производства снять невозможно. Можно оптимизировать в том или ином направлении взаимоотношение собственности и труда как противоречивых сторон единого, оптимизировать положение работника как участника отношения собственности и главного действующего персонажа процесса труда, но не более. А потому *большого* никакая политическая революция, если она остается на земле объективности, а не воспаряет в облаках утопий, сделать не может.

К моменту самой революции 1917 г. никакой достаточно конкретной (на уровне социальных технологий) программы формирования экономики социалистического типа у большевиков не было, да и быть не могло - Россия нуждалась в революции буржуазно-демократической (крестьянской), но не в непосредственном движении к социализму [6].

Попытки формирования такой программы, где элементы реального подхода были еще замешены исключительно на утопических основаниях, делались большевиками весной 1918 г., но даже эти попытки были сорваны гражданской войной. В ходе этой ожесточенной войны уровень утопических представлений о переходе к социализму не только не снизился, а приобрел еще большее значение, что и зафиксировал «военный коммунизм».

К 1921 г. гибельность утопической программы перехода к социализму стала очевидной. Начинаются поиски реальных возможностей. Они были выражены новой экономической политикой (НЭП). Эта политика ориентировала страну на *государственный капитализм* в промышленности, развитие товарных отношений в сельском хозяйстве и его кооперирование (становившееся возможным по мере нарастания товарных связей) [7]. В то время эта ориентация экономики твердо характеризовалась как «переходный период» в движении к социализму. Социализм виделся как экономический строй с одним укладом (государственной и кооперативной собственностью). Фактически это была ус-

тановка не лишенная в самой своей основе огромной доли утопизма.

К. Маркс в своих экономических работах показал, что первая фаза новой формации многоукладна: старое в ней органически переплетено, взаимодействует с новым. Из марксовской методологии никак не вытекало, что социализм - первая фаза коллективистской формации - может представлять какое-либо исключение. Однако этот вывод из марксовской формационной концепции остался незамеченным в первые годы революции, когда он мог коренным образом повлиять на программу строительства социализма. Более того, этот вывод и сейчас, когда практика сама «вышла» на многоукладность социализма, никак не увязывается с формационной концепцией К. Маркса. Стереотипы мышления пока господствуют и в проблемах, носящих собственно научный характер...

В те же далекие годы середины и конца 20-х годов утопическое представление о социализме, как об экономическом строе только с одним укладом, было настолько сильным, что вместо анализа практики (путь, который для В.И. Ленина был все же предпочтительнее, и который позволял ему преодолевать собственные заблуждения) начались попытки обоснования, оправдания именно утопического понимания социализма. В качестве теоретического обоснования утопической установки и на характер переходного периода, и на характер социализма И.В. Сталин (уже в 1925-1926 г.г.) пытается трактовать социалистическую политическую революцию и переход к социализму как особый случай, как исключение из законов марксова формационного перехода [8].

Следствием всего этого явилась деформация представления о самой цели реального развития: декларируя «движение к социализму» наше общество фактически двигалось к некоему утопическому образу, не лишенному, правда, в ряде аспектов истинных свойств социализма, но в целом и в главном - в самом понимании в формационном ключе характера экономических отношений - далеко и от истинных свойств, и от возможностей социализма, как он понимается строгой наукой.

Утопическое понимание природы социализма, изначально деформировавшее направленность исторического движения, отнюдь не было случайно-

стью и не может быть сведено к элементарному недомыслию и т.п. В России - по ее уровню формационного развития - *парадигма* нового понимания общественного развития была возможна только в форме грубой, неразвитой теории, отягощенной прямыми и существенными заимствованиями из предшествующих (целиком утопических) концепций социализма. Марксизм в России (и далеко не только в ней) был возможен только в форме так называемого «предмарксизма» [9].

Если человек идет по лесу без компаса, он неизбежно начинает кружить, возвращается на собственный след. Вот и движение нашей страны к социализму лишило себя (акцент на субъективный фактор) или не смогло найти (акцент на объективный фактор) - трудно сказать, какой из вариантов доминировал, хотя оба они реально имели место, - «компаса» на пути построения экономического базиса социализма.

Более того, капиталистическая экономика на третьей, заключительной фазе развития капитализма, [10] имеет хозяйственный механизм весьма сходный с хозяйственным механизмом первой фазы новой, коллективистской формации - социализмом. Процесс эволюции экономики схематично выглядит примерно так: частно-собственнический капитализм - монополистический капитализм - государственно-монополистический (корпоративно-монополистический) капитализм (сноска 11) - государственный социализм... (проблема последующих ступеней нуждается в специальном исследовании, что и обозначено многоточием в конце схемы). Движение по этому пути (а именно он фактически предопределял новой экономической политикой) было вполне реальным для России 1921-1923 г.г. А, следовательно, реальным (по крайней мере в абстракции) было движение к социализму как таковому.

В 1921- 1923 г.г. В.И. Лениным был найден реалистический вариант развития экономики. Впереди была не менее сложная и трудная проблема переоценки того, что должно было понимать под социализмом. Надо было бы прийти к известному (и весьма значительному) сближению экономических отношений переходного периода и самого социализма. В принципе (и это тоже было

нащупано В.И. Лениным в его самых последних работах) все сводилось к изменению характера экономических отношений в сельском хозяйстве и некоторых других сферах производства. Индустриализация лишь подводила производственно-техническую базу под возникновение и упрочение (вплоть до практической необратимости) кооперация в сельском хозяйстве, мелком и среднем производстве, сфере услуг, торговле.

Однако 1925-1926 г.г. И.В. Сталиным был обрисован принципиально другой подход к проблеме и переходного периода, и самого социализма. Эта была дорога в тупик.

Если бы Россия двигалась к социализму «по-ленински», то есть, развивая и совершенствуя начала НЭПа 1921-1923 г.г., то примерно к 1940 г. можно было бы ожидать:

= достаточно развитой индустрии с количественными показателями близкими к тем, что в действительности имели место, однако «цена» (материальных и человеческих потерь) достижения этого уровня была совсем иной, а его способность к новому развитию - несравненно выше;

= сравнительно высоко развитого сельского хозяйства (с валовым продуктом минимум в 2-2,5 раза более высоким, чем в 1928 г.), в значительной мере механизированного, интенсифицированного, основанного прежде всего на кооперативных началах (кооперативный уровень отношений собственности как более высокий с точки зрения критериев обобществления «перекрывал» бы по своему экономическому значению даже очень значительный элемент частно-собственнических отношений, тяготевших к фермерскому хозяйствованию);

= относительно высокой включенности экономики СССР в международное разделение труда на экономических предпосылках конвертируемой валюты и централизованного регулирования основных товаропотоков.

Был бы это социализм с точки зрения экономических критериев. Сколько-то, наверное, «да», хотя во многом еще «нет».

Налицо была бы планово-рыночная экономика со всеми издержками в социальной стороне экономических отношений. Вместе с тем налицо был бы

такой уровень экономической развитости, который позволял бы в принципе компенсировать слабые в социальном отношении стороны экономической системы за счет перераспределения прибавочного продукта для обеспечения социальных гарантий. Даже, если бы мы оценили этот уровень как самую первую форму собственно социализма – «государственный социализм», - то в качестве определений ее качества речь бы шла о неполной, недостаточной развитости, но не о «деформации», как только и можно было оценивать реально сложившейся к 1940 г. положение. А если бы оценивали это историческое состояние 1940 г. все еще как «государственный капитализм», речь шла бы о «социализированном (причем на достаточно высоком уровне) капитализме».

По показателям экстенсивной развитости (особенно по объемным показателям на душу населения и т.п.) СССР вряд ли бы занял передовые позиции, хотя по абсолютному объему производства показатели склонились в пользу СССР из-за масштабов страны. Вряд ли к этому времени мы превзошли бы развитые страны Европы и США по показателям интенсивности производства. Но по уровню *формационной зрелости* наша страна была бы на ступень выше всех этих стран. И в этом был бы залог последующего эффективного развития, эффективного, в нашу пользу - пользу социализма, соревнования старой и новой формаций.

Если предположить, что и при этих условиях общая история шла бы примерно такими же путями (хотя и тут возможны свои гипотетические оценки иных ее возможностей), то выигрыш в войне был бы достигнут много меньшей ценой, с много меньшими материальными и особенно человеческими потерями, а восстановление после войны прошло бы так же эффективнее и без того полнейшего истощения сельского хозяйства и сельского населения, к какому мы пришли в стране в 1953 г.

В своем последовательном развитии СССР, без всякого сомнения, вышел бы в число преуспевающих стран, успешно решающих и проблемы научно-технического прогресса, и проблемы качества жизни. И уж, конечно, не могло бы в принципе сложиться то нелепое положение, когда по степени развитости

ряда собственно социалистических элементов общественных отношений ряд стран развитого капитализма (в основе своей - все еще капитализма) опережает СССР, страну, настаивающую на своих социалистических целях и традициях. Вся послевоенная (в том числе и современная, конечно) история тогда пошла бы по-другому: формационное историческое преимущество социализма реализовалось бы более прямо, без причудливых зигзагов истории, без реализации через пень-колоду фактически принципов социализма, но на базе внешне анти-социалистической идеологии и т.д.

Таковыми, примерно, по нашему мнению, были гипотетические возможности развития экономических отношений в СССР, если бы все шло "по науке".

Но, конечно, еще сложнее была перспектива *политического обеспечения* продвижения России после Октября 1917 в сторону социализма. Планомерность общественного развития, в какой бы форме она не реализовывалась, существенно повышает роль субъективного фактора общественного процесса. Политическая сфера отношений в обществе и есть то пространство, где этот субъективный фактор реализуется. Поэтому ее роль в общем формационном развитии становится в каких-то аспектах определяющей.

Вместе с тем, политические отношения достаточно самостоятельны, у них свои законы функционирования и развития. Характер развития политических отношений, следовательно, приобретает *формационное значение*: предопределяет, быть ли капитализму, быть ли социализму, какой быть социалистической тенденции развития и т.п.?

Может ли политическая революция, поставившая целью движение общества к социализму, ограничиться установлением в политической организации общества широкой демократии? Мы полагаем, что нет. Социализм - слишком абстрактная идея, чтобы могла «сама собой» завоевать прочное и устойчивое большинство. Эта идея не находит себе достаточно понятного и твердого места в совокупности интересов общественных классов и слоев. Только наиболее грамотная часть рабочего класса и часть интеллигенции могут быть способны на то, чтобы сознательно воспринять идею социализма как идею конечной цели

социального процесса после революции. При этом надо учесть, что политическая революция - симптом недостаточной зрелости экономических предпосылок революции. Широкая демократия в тех условиях, в которых происходит революция, снимающая отжившие феодальные формы (главное) и некоторые, особенно грубо эксплуататорские формы функционирования капитала (уже не главное в такого рода революциях), может опереться только на программу *мелкобуржуазного типа*, то есть в самом лучшем случае на программу *эволюции* к социализму, когда революцией сняты препоны для этой эволюции. (сноска 12)

Для России наиболее реальным вариантом установления такой широкой политической демократии, ориентированной на конечный социалистический вариант развития, была возможность образовать на базе Учредительного собрания широкий правительственный блок партий социалистической ориентации. Интеллигентское доктринерство времен подполья - крайняя нетерпимость к любым оттенкам, к любым частным (с точки зрения формационного процесса) отличиям иной от своей точки зрения, идеологическая эйфория партии, успешно осуществившей политическую революцию, - помешали реализации этого варианта. Мог бы он стать оптимальным? Трудно сказать. Оценка его в качестве оптимального тоже достаточно абстрактна... Реальная история Учредительного собрания в России весьма противоречива. Мелкобуржуазное большинство Учредительного собрания оказалось не в состоянии утвердить два *безусловных* декрета большевиков: о земле и о мире. Учредительное собрание могло оказаться в конце концов и союзником (вольным или невольным) дворянско-помещичьей контрреволюции. Наше сегодняшнее видение этой проблемы весьма и весьма отличается от конкретных условий политической ситуации и ее развития конца 1917 - начала 1918 г.г.

Смогла бы широкая демократическая власть справиться с дворянско-помещичьей контрреволюцией? Трудно дать на этот вопрос достаточно определенный ответ. Факт тот, что эта контрреволюция организовалась гораздо раньше выборов в Учредительное собрание, организация ее покоилась на армейских началах, настроена она была более чем решительно.

Смогла ли бы широкая политическая платформа номинально социалистической ориентации сохранить эту свою ориентацию? Ведь социал-демократического варианта реализации социалистической программы общественного развития (на манер современного шведского), тогда попросту не существовало...

Вот почему мы нынешние (с позиций 1990 г.) позитивные оценки Учредительного собрания полагаем недостаточно историчными. Они, увы, избыточно абстрактны и реальной исторической ситуации 1917 - 1918 г.г., ее сложности и противоречивости в должной мере не раскрывают.

Реальный исторический выбор был сделан большевиками в пользу диктатуры рабочего класса. Теоретическое ее обоснование применительно к условиям 1917-го года отражено и обобщено в работе В.И. Ленина «Государство и революция». Этот выбор и тогда многими сторонниками социалистической ориентации общественного развития был воспринят как не безусловный и даже как ошибочный. Не безусловным с точки зрения желаемого формационного развития он выглядит и сегодня, в 1990 г., однако в 1917. г. у него были и реальные политические основания.

Социалистические конечные цели революции условиях социально-экономического развития страны в 1917 г. не могли быть совершенно добровольно приняты большинством населения страны хотя бы по такой элементарной причине, что значительное большинство вообще (даже на утопическом уровне) не знало, что такое «социализм». Ни о какой широкой демократии для реализации социалистических целей – целей, конкретное содержание которых было непонятно не только большинству населения, а как мы сейчас видим, но плохо понятно и руководителям партий социалистической ориентации, - в этих условиях не могло быть и речи.

Каковым может быть теоретическое обоснование в этих условиях диктатуры рабочего класса:

- класс в целом непосредственно заинтересован в реализации социалистической тенденции развития и осознает ее не только как абстракцию, но и как

тот или иной свой конкретный исторический *интерес*;

- политический авангард этого класса - его политическая партия - на уровне науки, способной выстроить систему эффективных социально-экономических технологий, знает, что такое социализм и как к нему идти;

- с помощью диктатуры пролетариата как гарантии сохранения социалистической ориентации осуществляются преобразования в экономике, социальных отношениях, культуре, которые формируют у большинства населения конкретный интерес в реализации социалистических целей.

Все это создает возможность перейти от режима диктатуры к режиму широкой демократии, которая в новых условиях (созданных созидательными функциями диктатуры) обеспечивает принятие социалистических ориентаций добровольно, на уровне интереса и той или иной степени их осознания.

Были ли, хотя бы абстрактно рассуждая, возможности реализации именно такой логики диктатуры рабочего класса? Да были. Их реализация была намечена в 1921 – 1923 г.г., частично была начата, но – после смерти В.И. Ленина – свергнута, подменена ориентацией диктатуры класса на диктатуру отдельных политических групп и личностей [14]. Это усугубило ситуацию, ибо в целом созидательная программа диктатуры класса прямо противоречит стремлению закрепить и ужесточить диктаторство групп и лиц: она предполагает выход в конечном итоге на широкую демократию, в которую органически заложен принцип *сменяемости* руководящих групп и руководителей персонально.

Созидательные (т.е. собственно социалистические) цели диктатуры рабочего класса пришли в антагонистическое противоречие с интересами отдельных политических групп и персонажей, направленных на реализацию диктатуры класса именно и только как своего индивидуального диктаторства [15]. В результате этого «смыслового перекося» самой диктатуры класса произошла подмена такой диктатуры класса персонализированным «культом личности» - системой личной (и групповой) диктатуры, где сохранение абсолютной власти этой группы и этой личности во главе ее становится *самоцелью*.

Комплекс причин, обусловивших эту деформацию установки на диктату-

ру класса, активно обсуждается нашей научной и публицистической литературой. Эти причины достаточно сложны и многообразны: упрощать их (скажем, сводить только к личному честолюбию руководителей) не следовало бы [16]. Во всяком случае, исторический опыт свидетельствует, что вырождение диктатуры класса в «культ личности» произошло в той или иной степени, в той или иной форме во всех без исключения странах, где устанавливался политический режим, теоретически обозначавшийся как «диктатура рабочего класса». Теоретически (т.е. на уровне абстракции) закономерность и целесообразность диктатуры рабочего класса доказуема, но при переходе от абстрактного к конкретному (от идей к технологиям) возмущающие факторы пока в конце концов почти обязательно сводили на нет эту целесообразность.

Мы полагаем, что на пути решительного реформирования политической организации, которая была начата В.И. Лениным в 1921 г., эта политическая организация, возможно, могла бы стать способной обеспечить социалистические преобразования в обществе. Это было бы очень и очень не просто, однако, как мы считаем, шанс был. В реальном историческом процессе этот шанс был упущен. Политические амбиции «вождей», их стремление к личной власти, очень быстро превратившие политическое развитие в борьбу за личную власть [17], увели политическую организацию общества очень далеко в сторону от реализации социалистических целей.

Наконец, третьим важнейшим (и еще более сложным по характеру своего развития) фактором движения общества после политической революции к социалистическим целям является развитие культуры.

Ключевое значение уровня и типа культуры, развития личностных качеств человека для реализации социалистических целей было очевидным еще для утопистов. Утописты их значение чаще всего преувеличивали, однако это было преувеличение особого рода: оно достигалось недооценкой экономических и политических факторов. Получался своего рода перекося в структуре, однако этот перекося фактически не умалял абсолютного значения фактора культуры: без определенного минимума культуры общество не теряет вообще спо-

способности к развитию, но к социализму оно может развиваться только при достаточно высоком (в историческом смысле) уровне культуры.

*Ощущение, что статья осталась недописанной. Об этом свидетельствуют и сноски 15,16, 17, которых нет в перепечатанных сносках. Как всегда статья писалась порционно и порционно перепечатывалась на машинке.*

## РАЗВЕРНУТЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

1. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса просматриваются две взаимосвязанные, но различающиеся трактовки формационного перехода к социализму.

В экономических работах К. Маркса социализм предстает перед нами как *продукт* нарастающего с развитием производительных сил и разделения труда *обобществления производства*: на определенном его уровне преобладание индивидуалистического принципа в организации и функционировании экономики сменяется преобладанием коллективистского принципа (особенно концентрированно эта трактовка тенденций развития общества раскрывается в §7 главы 24 I - го тома «Капитала» и в главе 27 III - го тома «Капитала»).

Наряду с этим в других работах присутствует другая трактовка, другая линия анализа, где в центре находится *политическая революция*, открывающая путь к преобразованию общества. Эта линия исходит из идей «Манифеста коммунистической партии». Обе они с разных сторон отражают реальность, однако степень «пересечения» этих двух линий в творчестве классиков мы бы оценили как минимальную.

Заметим, что в предметном указателе «Капитала» отмечено только одно упоминание о *политической революции рабочего класса*, причем речь идет об экономических ее предпосылках, а не о ее роли в преобразовании общества.

2. Может быть, наиболее четко это понимание социализма сформулировал С.Б. Станкевич в кратком интервью, оценивая историческое значение деятельности В.И. Ленина. «...Социализм - это не особый способ производства, как полагали многие, в том числе и Ленин. Особого способа производства вообще

не существует (он - единый, индустриально-консервативный, ориентированный на регулируемый рынок)... Социализм - это тенденция в общественном развитии..." / Газ. «Рабочая трибуна», 22 апреля, 1990 г., стр. 3).

3. Очень четко сформулировала суть утопического понимания социализма Н.Я. Мандельштам (Воспоминания // Юность, № 7, 1989, с.49): «... В начале двадцатого века возникло... убеждение, что уже пора создать такие совершенные, вернее идеальные формы социальной жизни, которые должны, обязаны, не посмеют не обеспечить всеобщего благоденствия и счастья».

4. Поразительно непрофессиональна, например, в этом отношении статья Ю. Шрейдера (доктора философских наук) «Идеология или сознание? К проблеме выбора» // Знание - сила, 1990, № 3: «... Гипноз идеологии или усилия сознания? - вот главный выбор, перед которым стоит каждый из нас» (Стр. 39) Автор забывает, что идеологический контекст - выражение и отношение интереса - присутствует в каждом акте и социального, и самосознания. И стремиться создать «деидеологизированную идеологию» попросту наивно.

5. Рассматривая акционерную форму, как определенный этап и отрицания старого способа производства и становления нового, этап и форму отрицания частной собственности, подчеркивая ее внутреннюю противоречивость («...как богатства общественного и как богатства частного»...), К. Маркс говорит, что это отрицание существует «...вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т.е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2-ое, т.25, ч. I, стр. 483).

6. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.16, с.327.

7. Эта позиция В.И. Ленина отражена в ряде его работ 1921-1923 г.г. И даже фактически изначально противник этой точки зрения И.В. Сталин в 1926 г. трактует эту позицию В.И. Ленина следующим образом: «...в 1921 г. Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом» (Сталин И.В. Вопросы ленинизма, изд. II-ое. М.: Госполитиздат, 1947, с.153). В научной ли-

тературе того времени преобладала именно эта точка зрения.

Но уже XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 г. пытается снять трактовку промышленности как госкапиталистической, объявив ее неверной, оппортунистической, угрожающей делу социализма.

8. См.: Сталин И.В. Вопросы ленинизма, изд. II -ое, М.: Госполитиздат, 1947, с.111-113.

9. Феномен "предмарксизма" кратко охарактеризован в нашей статье «Какой социализм мы строили?» // Политическое образование, 1989, № 18, с.39. Подготовлена к публикации также статья: Файнбург З.И. «Марксизм, «предмарксизм», «псевдомарксизм»<sup>2</sup>. Здесь, может быть целесообразно, напомнить трактовку известным специалистом в области науковедения Т. Куном самого процесса становления новой парадигмы науки: «...Первые варианты большинства новых парадигм являются незрелыми» (Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975, с.197).

10. См.: Симония Н.А. Сталинизм против социализма. // Вопросы философии, 1989, № 7.

11. Кроме известных, ранее уже опубликованных работ см.: Певзнер Я. Конкурентный корпоративно-государственный капитализм. // МЭ и МО, 1990, № 3.

12. Мы полагаем, что в истории последних десятилетий и лет есть несколько очень характерных примеров такого рода метаморфоз политической власти и ее социально-экономической ориентированности: Испания, Португалия, Никарагуа...

13. По мнению историка Г.З. Иоффе, высказанному в его книге «Белое дело. Генерал Корнилов». М.: Наука, 1989. — 292 с., корниловское выступление в августе 1917 г. и есть истинное начало гражданской войны. Она началась

---

<sup>2</sup> Эта статья была отвергнута редакцией журнала «Вопросы философии» летом 1990 г. и могла остаться неопубликованной. Но к тому времени эта статья в переработанном виде была уже вставлена З.И. Файнбургом в качестве главы (очерка 3): Марксизм, «предмарксизм», псевдомарксизм... (Идейные и социальные предпосылки «культы личности» в его книгу, вышедшую в свет уже после написания этой статьи и смерти автора (10.09.1990 г.): Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). — М.: Политиздат, 1991. — 319 с.

не только и не столько против большевиков и их власти – никакой власти у большевиков еще попросту не было - сколько фактически против крестьянских посягательств на помещичьи земли. Не будь продрозверстки, гражданская война пошла бы во многом по-другому, но направленность (а фактически - и уровень жестокости) гражданской войны была задана еще до Октябрьской революции корниловским мятежом.

А в январе 1918 г. напутствуя свою армию, Корнилов требовал: «...Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать...» (Цитируется по журналу «Новый мир», 1990, № 2, с.263).

А всем тем, кто оправдывает «белый террор» существованием «красного террора» ВЧК, следует помнить, что в это время (зимой 1918 года) ВЧК вообще еще была в ранней стадии организации.

14. В работах В.И. Ленина 1921-1923 г.г. настойчиво проводилась мысль, что наибольшая политическая опасность успешному строительству социализма таится в том, что не сами массы строят для себя социализм, а он строится для масс - партией, государством и т.п. Отсюда следовала система мер, ориентированных на максимальное включение масс (прежде всего рабочего класса) в управление, на обсуждение и выяснение на научном уровне характера социалистического строительства, на максимальную демократизацию внутривнутрипартийной жизни и т.п. После 1924 г. все эти уже начатые реализовываться меры были свернуты.

В работе есть 15,16,17 сноски ???